



Елена Миронова

Невезучая

«Центрполиграф»

2008

Миронова Е.

Невезучая / Е. Миронова — «Центрполиграф», 2008

Выйти замуж за английского аристократа – мечта многих красавиц. Маша красавицей не была. Казалось, роскошные рыжие волосы достались ей по ошибке. К двадцати восьми годам она свыклась с участием гадкого утенка, которому не суждено уже превратиться в прекрасного лебедя. Фамилия Криворучко намертво приросла к ней. Но к счастью, не все джентльмены предпочитают блондинок.

Содержание

Невезучая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Елена Миронова

Невезучая

Заскрипели тормоза, и прямо возле меня остановилась красная спортивная машина. Я восхищенно на нее уставилась. Еще в детстве я мечтала о машине – именно такой: красной, блестящей, обтекаемой, словно обмылок. Ослепительной, чарующей, априори причисляющей ее владельца к сонму небожителей.

Дверца машины распахнулась, и оттуда показалась женская ножка, обтянутая чулком цвета загара – в лучших традициях мирового кинематографа. Я не мужчина, поэтому не буду восхищаться и разливать слезы в поэтических сравнениях по поводу этой ноги. Нога как нога, на мой взгляд. Да, стройная, да, в красивом модном мохнатом сапожке, похожем на щенка лхасо-апсо. Я переложила пакет из одной руки в другую и снова принялась лизать мороженое. Правда, мне пришлось остановиться: машина перекрыла дорогу, въехав на тротуар. Надо было выбирать: либо ждать, пока авто уедет, либо обходить средство передвижения по мостовой. Но второй вариант для меня категорически неприемлем – с детства боюсь дорог и стараюсь как можно реже ступать даже на «зебру».

Тем временем из машины вышла потрясающая красотка. Девушка была под стать ноге: лощеная, модная благоухающая сладким парфюмом, она напоминала гляцевую обложку журнала. Однако голубые глаза вкупе с золотистыми кудрями показались мне смутно знакомыми. Пытаясь напрячь свою память, я откусила слишком большой кусок мороженого и застыла с открытым ртом.

– Криворучка, ты в своем репертуаре, – вздохнула девушка. – Ну кто же зимой ест мороженое?

И тут я вспомнила ее. Мы вместе учились в школе, правда, с тех пор минуло уже десять лет, но голос Марины Ключевой, чуть хрипловатый и чрезвычайно сексуальный, как утверждали наши одноклассники, нельзя было спутать ни с каким другим голосом.

– А что едят зимой? – удивилась я.

– Зимой не едят, а пьют. Водку, – назидательно сообщила Марина. – Что там у тебя в пакете? – Она бесцеремонно заглянула в мои покупки. – Какие-то странные пачки... Криворучка, ты зачем в магазин-то ходила? Не вижу ничего съедобного!

– Я предпочитаю здоровый образ жизни, – пробормотала я, – так что в пакете съедобного достаточно, но только для меня. Тебе это вряд ли понравится.

– Здоровый образ жизни? – Марина хитро прищурилась. – А мороженое?

– Оно из того же отдела здоровых продуктов, – пожалала я плечами, – без сахара и лактозы. Хочешь попробовать?

Большой кусок мороженого отвалился и упал на воротник моего пальто.

Марина сморщилась и отвела от меня взгляд.

– Ладно, садись, есть разговор. Только счисти мороженое с пальто, а то испачкаешь мне салон!

Я послушно засунула свое неуклюжее тело в машину своей мечты, представляя себя выходящей из супермаркета и периодически отпивающей горячительную жидкость из чекушки вместо того, чтобы откусывать кусочки от ледяного лакомства. Картинка оказалась не самой приятной, поэтому я невольно причмокнула, вспоминая вкус выброшенного мороженого, беспрестанно косясь на бывшую одноклассницу. Выглядела она просто шикарно. В короткой шубке из щипаной норки цвета топленого молока, в модной теплой юбке в шотландскую клетку она смотрелась гламурно и стильно.

Интересно, зачем я ей понадобилась? Особенно если учесть, что мы никогда с ней не были подругами, мало того, между нами как-то случилось некое отчуждение, после которого Марина даже пересела от меня на другую парту. Наверняка она бы со мной и вовсе не захотела сидеть, но так как обычно девочки делятся на два лагеря – умных и красивых, то наша парта сочетала в себе обе эти половинки. Стоит ли говорить, кто из нас был красивой, а кто умной?

Я пришла в новую школу, когда мне было тринадцать лет, и в классе оказалось одно свободное место, как раз за партой Марины Ключевой. Сначала она откровенно сообщила, что не станет сидеть рядом с такой рыжей и некрасивой девочкой, как я, а потом вдруг сообразила, что у меня очень удобно списывать: во-первых, я отличница, а во-вторых, на контрольных успеваю решить оба варианта – для себя и для своей сопартницы, если так можно сказать. Наверное, мы просидели бы вместе до одиннадцатого класса, и, кто знает, возможно, у нас даже установились бы приятельские отношения, однако все разрушилось очень быстро.

Маринка была способна привлекать внимание мальчиков, а не усваивать новые знания. В классе учился очень симпатичный и умный Коля Смолянихин. Вот по нему Марина и сходила с ума. В отличие от Ключевой Коля был отличником, серьезным мальчиком с огромными голубыми глазами. Он нравился всей женской половине класса, но на нас абсолютно не реагировал. Не подумайте, что он реагировал на мужчин. Нет, его не интересовали любовные истории, он был занят учебой. И откуда только берутся такие серьезные парни? И уж совсем удивительно, что Коля Смолянихин из множества девчонок в школе выбрал меня. В восьмом классе он подошел ко мне на перемене и сказал, что я ему нравлюсь. И что он предлагает завтра сходить в кино.

Весь вечер следующего дня я нервно причесывалась и приглаживала юбку. И спохватилась, что часы стоят на месте, только когда в третий раз заметила, что они показывают четверть девятого, а фильм начинался в девять. И конечно, мне было уже не успеть. Только со мной могла случиться эта дикая, нелепая, совершенно смешная ошибка! Коля пошел в кино без меня. Когда на следующий день я, заикаясь, неуклюже объяснила причину своего опоздания, он, казалось, понял и простил меня. И через день принес мне в подарок наручные часы!

– Это чтобы ты никогда больше не опаздывала, – очаровательно улыбнувшись, сказал он.

Я, покраснев от восторга, взяла коробочку, и конечно же она выпала у меня из рук. Неловко наклоняясь, чтобы поднять ее, и переступив с ноги на ногу, я опустила пятку аккуратно на только что преподнесенный подарок. Услышав тихий хруст, Коля изменился в лице и ушел. Так закончился наш неудавшийся роман. Но мало того: Маринка, до сих пор не забывшая Колю, каким-то образом узнала о его симпатиях ко мне и этого мне не простила. Она перестала разговаривать со мной и выгнала меня на соседнюю парту, при этом нахально продолжая списывать у меня все контрольные. Но за моей спиной Марина стала распускать слухи о том, что Коля получил от меня то, что хотел, и бросил меня. Ей было неприятно сознавать, что на нее, красавицу Ключеву, Смолянихин даже не смотрит, а с рыжей и конопатой Криворучко у Коли особые отношения.

– Ну и как тебе Смолянихин? – однажды совершенно неожиданно услышала я голос Марины.

Мы сидели в физкультурной раздевалке, готовясь к уроку, и все девчонки с интересом уставились на меня. Воцарилась тишина.

– В смысле? – не поняла я.

– Ну, в постели, – ничуть не смущаясь, заявила она.

Маринка была опытной по этой части. Поговаривали, что она уже переспала с нашим физруком Александром Юрьевичем, который в прошлом году пришел к нам, только закончив институт.

– Я... я не знаю, – промямлила я, почувствовав, что неудержимо краснею. Мне было ужасно стыдно и неудобно, и я боялась, что девчонки могут подумать, будто у меня со Смолянихиным и вправду что-то было...

Я настолько растерялась, что у меня закружилась голова, и я потеряла способность что-либо видеть и слышать. Я находилась в шоковом состоянии! Почему-то именно это состояние я запомнила очень хорошо.

И вот сейчас я вновь испытала то же самое состояние шока. И снова не без участия Маринки. Я совершенно не ожидала ее встретить и тем более не ожидала услышать, что у нее может быть какое-то дело ко мне.

– Какая неожиданная встреча, – пробормотала я, вспоминая приличествующие случаю фразы.

– Да уж какая там неожиданность, – отмахнулась бывшая одноклассница. – Ну привет, что ли?

– Привет, – промычала я.

– Что-то ты не слишком рада меня видеть, – констатировала Марина, внимательно меня оглядывая.

Я пожала плечами. Интересно, чего она ожидала? Что я брошусь ей на шею – после десяти-то лет, прошедших после окончания школы? Или что я дико скучала по ней все это время и постоянно думала о том, как бы нам свидеться?

– Помнишь, как мы когда-то дружили, даже сидели за одной партой?

– Как за одной партой сидели – помню, как дружили – нет.

– Ну как же, – обиделась Ключева, – я тебе столько внимания уделяла!

– Это помню, – простодушно кивнула я. – Когда ты лупила меня портфелем по голове, подбрасывала в кроссовки кнопки, а потом еще и бойкот объявила...

– А вот тут ты сама виновата, – сообщила Марина, вырulingая между домами, – нечего было строить глазки моему парню!

– Но Коля Смолянихин никогда не был твоим парнем, – возразила я.

– Вот поэтому я и объявила тебе бойкот, – вздохнула Маринка. – Ладно, хватит вспоминать всякие гадости, я приехала не на вечер школьных воспоминаний. Криворучка, мне нужна твоя помощь.

– Моя фамилия оканчивается на «о», – поправила я ее.

– Да кого это интересует! – отмахнулась бывшая одноклассница. – Мы можем поехать к тебе? Кажется, ты живешь где-то неподалеку? Ну и отвратный райончик!

– Район как район... Если ехать ко мне, то надо повернуть назад.

– Так чего же ты молчала? – взорвалась Ключева.

– Но ты и не спрашивала! – резонно ответила я.

Марина дулась минут пять. За это время мы подъехали к моему дому.

– Мы можем подняться к тебе? – Она взглянула на меня огромными голубыми глазами, и я поспешно кивнула.

Разве можно отказать такой девушке? Наверное, с мужчинами у нее и вовсе проблем нет – стоит бросить один такой взгляд на представителя мужского рода, и он тут же бросит в ответ к ее ногам все свои сокровища. Если они, конечно, имеются...

Маринка гоняла во рту жвачку. Эта привычка у нее осталась еще со школьных времен.

У меня так давно не было гостей, что я забыла, как на них реагировать.

Розовый пузырь жвачки лопнул и залепил Ключевой рот и большую часть носа. Она нервно облизнулась острым язычком, яростно сдирая с себя ошметки жевательной резинки.

Иногда все же лучше жевать, чем говорить, – с этим утверждением я полностью согласна.

– Только я живу на пятом этаже, а в доме нет лифта. – Почему-то в присутствии Ключевой мне все время хотелось оправдываться.

– Ну вот, – расстроилась она, – тебе лишь бы гадость мне какую сказать!

Мы поднялись на пятый этаж, я открыла дверь, пропуская Марину вперед.

Но она не сдвинулась с места. Навалившись на перила и тяжело дыша, бывшая одно-классница напоминала породистую собаку, которая целый день бегала по лугу и гонялась за воздушным змеем.

– Это ничего, – улыбнулась я, – тяжело только с непривычки. Сейчас я тебе чайку заварю, с травкой...

– С травкой? – оживилась Ключева. – А ты исправляешься, Криворучка!

– Ну да, с травкой – чабрецом, мятой, душицей...

– Тогда уж лучше кофе. – Марина с брезгливым выражением лица вошла в квартиру и осторожно огляделась. Морщинки на ее лице разгладились, брови поднялись в знак одобрения.

– Неплохо, – похвалила она, узрев хороший ремонт, сделанный буквально несколько месяцев назад.

Я невольно зарделась. Дурацкая привычка краснеть, когда меня хвалят, осталась с детских лет. Хорошо еще, что это происходит не так часто – обычно хвалить меня не за что. С самого детства мне не везет. Впрочем, а чего ожидать от девочки с фамилией Криворучко? Нет, конечно, мои руки вовсе не кривые и внешне растут из надлежащих мест, однако пускать их в дело я даже побаиваюсь: за что бы я ни бралась, ничего толком не выходит...

– Ты замужем, что ли? – Ключева изумленно повернулась ко мне.

Я вздохнула. Прекрасно понимаю причину ее изумления: если у меня, невзрачной девицы, пожертвовавшей юностью и зубами ради гранита науки, который необходимо было грызть, имеется хорошая двухкомнатная квартира, следовательно, не сама же я заработала на это счастье. Впрочем, Марина знает, что квартира родительская, однако и ремонт, и мебель в ней новые и весьма недешевые. Из этого само собой вытекает, что какой-то мужчина у меня быть просто обязан.

Ах, как бы мне хотелось солгать бывшей однокласснице, кивнуть в ответ на ее вопрос и вдобавок показать фотографию красавца – мужчины, обнимающего меня где-нибудь на далеких островах. И в принципе я могла бы это сделать: у меня имелась такая фотография, вот только в роли красавца мужчины выступал мой отец.

Не думаю, что его возраст, лысина и приличных размеров пузико покорили бы Маринку. Пожалуй, она бы и вовсе не обратила внимания на его внешность, отдав предпочтение наличию увесистой мошны. Однако я пересилила себя. Во-первых, тот же папа с детства учил меня, что врать не только нехорошо, но даже возмутительно, а во-вторых, как бы я себя чувствовала, без зазрения совести указав на отца как на любовника? В конце концов, надо же подумать и о приличиях! Поэтому я, независимо тряхнув волосами, сказала правду:

– Нет, я не замужем. Это квартира родителей, просто сами они постоянно проживают в загородном доме.

Марина сразу потеряла ко мне интерес, и ее оживившийся было взгляд потускнел. Мол, я думала, ты меня удивишь, а ты ничуть не изменилась, – вот как следовало расценивать этот взгляд.

Это было не очень приятно. Особенно если учесть, что Марина в нашу школьную бытность без зазрения совести списывала у меня все контрольные и домашние задания, благодаря чему и смогла закончить школу. И вот теперь она смотрит на меня свысока, словно я какое-то насекомое, притаившееся на ее роскошном сапожке.

– Ладно, – зевнула она, завалившись на кухню и усевшись на мой любимый плетеный стул, – налей-ка мне кофе, а то я с самого утра на ногах.

– У меня нет кофе, он плохо влияет на здоровье, – пожала я плечами. – Хочешь, налью тебе травяного чая? Только что купила в магазине, свежий!

– Давай. – Марина вздохнула, вытащила сигарету и щелкнула зажигалкой.

Я неодобрительно на нее посмотрела.

– Курить вредно, между прочим, – робко заметила я. – У курильщиков зубы, ногти и лицо становятся желтыми, а легкие – дырявыми. Ты хочешь, чтобы у тебя было желтое лицо и зубы?

Марина поперхнулась дымом. Я быстро отвернулась и открыла форточку. В этой квартире никто никогда не курил, она не знает этого ужасного сигаретного запаха, поэтому может благополучно задохнуться – вместе со мной.

– Ну ты даешь, Криворучка, – откашлявшись, молвила Ключева. – Совсем на голову большая стала. Ты и раньше-то была с приветом, а теперь... Вот что возраст с людьми делает!

– Мы ровесницы, – возмутилась я, засыпая сухой травяной настой в чайник и заливая его кипятком.

– Только по документам, – невозмутимо ответила Марина, – а на самом деле, как ты думаешь, можно ли нас сравнить?

Я молча проглотила обиду. Да, она красавица, это бесспорно. Но разве давал ей кто-нибудь право разговаривать со мной в таком тоне? Самое обидное, что возразить ей было нечего. Моя внешность и вправду – сплошное недоразумение. Ну и что из этого? Ей просто повезло, что она родилась красоткой, а появилась бы на свет с моей внешностью, гонору в ней бы неоткуда было взяться! И вообще, ее лицо и фигура – вовсе не ее личные достижения, так что нашла чем хвастаться!

– Давай быстрее, – поторопила она меня, глядя, как я завариваю чай. – И дай чего-нибудь пожевать!

Я мстительно улыбнулась и налила ей особенного травяного настоя, «забыв» добавить в него сахару. В этом настое около пятнадцати различных трав, среди которых – полынь, поэтому он чрезвычайно горький. Пусть Марина отхлебнет, глядишь, и сотрется с ее лица эта лицемерная сладость.

Я открыла холодильник, вытащила колбасу, порезала ее, положила на блюде. Достала из хлебницы остатки цельнозернового хлеба с отрубями – довольно подсушенного, надо сказать, сделала бутерброд и протянула Ключевой, одновременно подвинув ей кружку с настоем.

– Ну вот, – она с довольным видом оглядела бутерброд и смачно откусила кусок, – а говорила, что предпочитаешь здоровый образ жизни!

– И вправду предпочитаю, – кивнула я.

– А колбаса-то, колбаса. – Ключева веселилась, как ребенок.

– Ну так колбаса-то – соевая! – радостно сообщила я.

Она подавилась, закашлялась, выплюнула прямо на стол пережеванный бутерброд и схватила кружку с настоем.

Через пару секунд ее глаза округлились и словно вылезли из орбит, лицо напряглось и перекосилось, а изо рта на стол полетели выплюнутые корешки из настоя.

– Я забыла процедить, – спокойно добавила я, – и мед не положила.

– Ты просто идиотка!

Марина вскочила, прополоскала рот под краном, добавила пару смачных выражений в мой адрес, которые я пропустила мимо ушей.

– Я бы давно отсюда ушла, – прошипела она, совершив свои гигиенические процедуры, – если бы не дело.

– Какое дело? – насторожилась я.

У Марины априори не могло быть ко мне никаких дел. Нам даже говорить не о чем, разве что о школьных годах! Мы не виделись много лет, так о каких делах может идти речь?

– Ты мне нужна, – вздохнула она. – Вернее, не ты, а твои волосы.

На всякий случай я отступила назад, к плите. Рядом с плитой у меня длинный стол, а на нем стоит подставка для ножей. Если Ключева сошла с ума и бросится на меня с ножницами или даже с ножом, чтобы срезать с меня скальп, я хотя бы смогу защитить себя.

– Вообще мне они тоже нужны, – пробормотала я, пытаюсь нащупать нож рукой, заведенной за спину.

– Вот дура, – покачала она головой, увидев мои маневры. – Ты мне не нужна, я не собираюсь тебя трогать. Наоборот, мне требуется твоя помощь!

– Но чем я могу тебе помочь? – вырвалось у меня. – И вообще, сначала определись, нужна я тебе или нет!

На всякий случай я продолжала держаться неподалеку от спасительной сверкающей стали с ручками. Кто знает, может, она решила запудрить мне мозги, сыграть на моей доверчивости?

– Я тоже никогда не думала, что буду вынуждена просить тебя об одолжении, – недовольно высказалась она. – Только так жизнь складывается, Маша.

Подумать только, она назвала меня по имени! Да эти ее именные обращения ко мне, включая и школьную пору, можно сосчитать по пальцам одной руки!

– Мне не везет с мужиками, – вздохнула Марина.

Я во все глаза уставилась на нее. Признаться, это ее заявление даже заставило меня воспрянуть духом. Если уж даже такой, как она, не везет с мужчинами, что же говорить обо мне? Получается вполне закономерно, что в свои двадцать восемь я все еще старая дева! Если даже на Марину никто не польстился, то на меня и вовсе смотреть не станут! Впрочем, и не смотрят.

– Три раза была замужем, – продолжила Ключева. – Вот, развелась с последним мужем в прошлом году.

– А-а-а, вот в каком смысле не везет, – приуныла я.

На мой взгляд, если ты три раза была замужем, тебе уже повезло. Трое мужчин захотели на тебе жениться, они любили тебя и были с тобой счастливы – хотя бы в первый месяц после свадьбы. Но Марина, кажется, придерживалась другой точки зрения.

– Прикинь: первый разорился во время кризиса девяносто восьмого года, – загнула она ухоженный пальчик с крупным колечком. – Мы только и успели что пожениться. Уже через два месяца мой... да, впрочем, не важно, как его звали, – она обворожительно улыбнулась, – был нищ, как церковная крыса. От второго я ушла, потому что он слишком много денег тратил на свои дурацкие машины – коллекционировал их и любил их больше меня. А третьего бросила, потому что встретила его!

– Кого? – вырвалось у меня.

– Толика, – глупо улыбнулась Ключева, – а кого же еще? Итак, я влюбилась, – сообщила она мне. – И на сей раз это окончательно и бесповоротно!

– Так в чем проблема? – не поняла я. – Он тебя не любит?

Марина непонимающе воззрилась на меня:

– Что значит – не любит? Криворучка, ты хоть раз видела мужчину, который бы меня не любил?

Я деликатно не стала напоминать ей про Колю Смолянихина – в конце концов, это было еще практически в детстве, так что неизвестно, можно ли Колю назвать мужчиной. Не стала также сообщать и о том, что я не видела ни одного мужчину, который ее любил. Не потому, что сомневаюсь в этом ее высказывании, а потому, что мы с ней не настолько близкие подруги, чтобы она знакомила меня с каждым из своих ухажеров.

– В общем, у нас все отлично, и Толик недавно сделал мне предложение, – улыбнулась Марина.

– Рада за вас, – пробормотала я, – вот только я здесь при чем? Чем я могу помочь вам?

– Дай же мне сказать, – повысила голос Ключева. – И почему ты считалась всегда тонкой и деликатной натурой, если постоянно меня перебиваешь?

Я закусила губу. Раз уж Ключева приклеила ко мне этот ярлык деликатности, придется и впрямь ждать, пока она доберется до сути. На самом деле мне ужасно хотелось знать, чем я могу

ей помочь. Ну правда, что во мне такого особенного, что Марина вспомнила про меня через столько лет и даже почтила своим визитом? Это единственная причина моей нетерпеливости.

– Так вот, – продолжила она. – Толик действительно замечательный человек, он очень сильно меня любит, кроме того, он красив и материально обеспечен. С ним я буду кататься как сыр в масле, политый шоколадом... как кусочек мраморной говядины, окунутый в фондю... У него дом за городом, две машины, вот эту – красную тачку – он мне подарил недавно, на годовщину нашего знакомства. Он постоянно заваливает меня подарками, звонит по сотне раз в день, жутко ревнует, мы с ним три раза за год ездили отдыхать...

Марина все продолжала и продолжала щебетать, а мне хотелось ее задушить. Ну в самом деле, сколько можно так мурыжить человека, тем более такого любопытного, как я? В моей пресной жизни никогда не случалось каких-то ярких, необычных событий. Вся моя жизнь идет по накатанной колее – никаких забот, треволнений, никаких страстей. Никто не устраивает мне скандалов из-за моих поздних возвращений домой, никто не встречает с работы с цветами и не дарит подарков. Да и сама работа не заставляет меня думать, будто я приношу большую пользу обществу! Библиотекари, знаете ли, не спасатели из службы 911, не мойщики окон и не дворники, расчищающие снег. А куда мне было еще идти после моего филологического факультета? Я уж было совсем загрустила, когда очнулась, услышав слово «лорд».

В Маринкиных устах оно звучало уж слишком необычно.

– Что, прости? – переспросила я.

– Я говорю, он – настоящий лорд! – воскликнула она.

– Кто? Твой Толик?

Марина с подозрением воззрилась на меня.

– То ли ты витаешь в облаках, то ли издеваешься надо мной, – протянула она, прищурившись. – А может, просто игнорируешь меня, а? В любом случае спасибо за внимание!

– Ну что ты, – залебезила я торопливо. – Просто твой голос действует на меня, как колыбельная...

– Все говорят, что у меня красивый голос, – смягчилась бывшая одноклассница. – Так вот, лорд приезжает уже через несколько дней.

В нашей школе все боялись Ключеву: знали, что за ценой она не постоит и может очень даже не слабо проехаться по физиономии любого из одноклассников, невзирая на пол и вес. Драться я не умею и не люблю. И совсем не хочется появиться на рабочем месте с разодранным лицом, чтобы моя коллега, Александра Александровна, насмеялась надо мной до тех пор, пока оно не заживет. «А вы шалунья, Мария, – покачивая заскорузлым пальчиком у моего носа, говаривала бы старушка, кокетливо улыбаясь. – Я всегда считала, что в тихом омуте черти водятся...»

Быть и тем более выглядеть как черт, мне совершенно не улыбалось. Поэтому я заторопилась:

– Извини, Мариша, я задумалась, чем тебя угостить, и поэтому пропустила последнее предложение. Так кто лорд?

Марина несколько секунд взирала на меня с подозрением, а потом расслабилась и вздохнула.

– Нечего было и думать, что ты способна заменить меня, – кивнула она, словно соглашаясь с самой собой. – Глупая идея...

– Может, ты хотя бы поставишь меня в известность? – невинно улыбнулась я.

– Мой Толик – не бедный человек, – наконец высказалась бывшая одноклассница, закончив сверлить меня взглядом. – Но его дядя – вернее, богатство его дяди не идет ни в какое сравнение с доходами Толика. Вот почему ты мне нужна, ясно?

Я кивнула на всякий случай, хотя все еще ничего не понимала. Дядя Толика очень богат, но при чем тут я? Вернее, даже не я, а мои волосы!

Слава богу, Ключева не остановилась на сказанном, и через полчаса до меня все дошло. Оказывается, у ее ненаглядного Толика есть родственник в Туманном Альбионе – лорд Адриан. Об этом Толик узнал совсем недавно – если говорить откровенно, меньше месяца назад. Лорд Адриан, то ли двоюродный, то ли троюродный дядя Толика, сам разыскал его и позвонил. Оказалось, что он неплохо изъясняется по-русски. Впрочем, что здесь удивительного – ведь в этом самом лорде присутствуют и русские корни, причем в немалой доле. Итак, по какому-то странному стечению обстоятельств лорд Адриан решил отписать все свое имущество, выражаемое в нескольких миллионах фунтов стерлингов, Маринкиному Толику, хотя никогда не видел своего далекого российского родственника. Однако Толик еще не успел упасть в обморок от столь радостных перспектив, как узнал, что у лорда есть одно маленькое пожелание. Даже, наверное, не совсем верно назвать это обстоятельство пожеланием, а скорее необходимым условием, потому что без него Толик не получит наследство. У жены Толика должны быть натуральные рыжие волосы – такие же, какие всю жизнь были у женщин в этом роду. Лорд Адриан решил, что именно Толик, как последний представитель их рода, должен взять на себя эту миссию и жениться на рыжеволосой девушке, как это всегда практиковалось в их семье.

– Ты же понимаешь, что я не могу перекраситься, – с отвращением проговорила Марина. – Неужели я стану портить свои изумительные волосы отвратительной рыжей краской?

Я благоразумно промолчала. На мой взгляд, волосы, не раз поддававшиеся перекраске, уже ничто не испортит. С другой стороны, блондинкой Марина выглядела сногшибательно, а кто знает, пойдет ли ей ярко-рыжий цвет волос?

– К тому же, возможно, он будет проверять, натуральный ли это цвет, – добавила она. – Мы не можем рисковать такими деньгами, понимаешь, Криворучка?

Я машинально кивнула, хотя на самом деле ума не приложу, зачем людям столько миллионов, и тут же вспомнила, что вряд ли богатенький дядюшка удовлетворится моей внешностью.

У меня довольно длинные пушистые рыжие волосы, куча веснушек на белой, как сметана, коже. Я даже в солярии загореть не могу, такое вот у меня тело – сразу же обгорает! Нос мой картошкой, глаза... Да, пожалуй, глаза – единственное, чем я еще могу гордиться. Они у меня миндалевидной формы, пронзительного зеленого цвета. Нет, белок глаза, конечно, белый, а зрачок зеленый. Опять неверно. Зрачок у всех черный – радужка зеленая. Если, конечно, я не ошибаюсь, и радужка – это то, что окружает зрачок. Так вот, большой нос и глаза при узкой, тоненькой полосочке рта. Вот так-то. До сих пор удивляюсь, как это Коля Смолянихин обратил на меня внимание. Ведь, стыдно сказать, больше никто... Нет, бывает, конечно, подвыпившие граждане лезут ко мне на улице – со спины. Но и все!

Мне хотелось сказать Марине, что задумка ее ни к чему не приведет. Наверняка этот лорд Адриан выдвинет требование, чтобы невеста его родственника, которому должно продлить этот русско-английский род, была не просто рыжеволосой, но и красивой. Увидев же меня, он наверняка испугается, и тогда не видать Марине с Толиком обещанных миллионов. Но я мужественно промолчала. Мне хотелось услышать, что скажет дальше Ключева. И вообще, как она это представляет себе – выдать меня за себя? Я уже понимала, что эта затея ошибочна и провальна, но, боже мой, мне так не хотелось отпускать Марину, такую яркую, красивую, живущую настоящей жизнью. Я словно подпитывалась от нее – не энергией, нет, а тем воздухом, которым дышит она. Ведь наверняка она и дышит другим воздухом – ведь наши жизни так не похожи. Мне хотелось прикоснуться к ее жизни, к ее личности, натянуть на себя ее личину хотя бы на несколько минут, чтобы понять, каково это – быть красивой, успешной, любимой. Вот почему я не возражала ей и продолжала внимать, хотя уже знала, что ничего из этого не выйдет. Странно, что сама Марина до сих пор этого не поняла. Неужели она настолько

привыкла ко мне в школе, что даже не замечает моего некрасивого лица? Да я уверена, что Толик не станет терпеть меня возле себя даже несколько минут – ему будет неприятно!

И все же я лицемерно спросила:

– И что ты предлагаешь?

– Ты должна мне помочь, – безапелляционно заявила бывшая одноклассница. – Сделать вид, будто ты – невеста Толика. Больше от тебя ничего не требуется.

– Но как? Мы же с ним даже незнакомы, – удивилась я. – Наверное, ему надо привыкнуть ко мне...

– Зачем ему к тебе привыкать? – Марина в очередной раз уставилась на меня с подозрением. – Ты задумала отбить моего жениха? Не волнуйся, даже ради денег он с тобой не останется, – хохотнула она.

Я покраснела. Ну вот, оскорбления уже начались.

– Я не имела в виду ничего такого. Просто как ты себе это представляешь? Я приду в ваш дом, и он сразу же сможет сделать вид, будто мы любим друг друга? И вообще, этому лорду не покажется странным, что у Толика уже есть рыжеволосая невеста? Это что, простое совпадение? А если бы он был уже женат, и не на рыжеволосой?

– Действительно, об этом я не подумала. – Марина закусила губу и замолчала на несколько минут. – Значит, делаем так! – наконец-то воскликнула она. – Ты приедешь раньше на день, чем лорд Адриан, чтобы познакомиться с Толиком и осмотреть дом.

– Лорд Адриан приезжает? – перепугалась я.

– А иначе зачем ты была бы мне нужна? – Марина презрительно сощурила прекрасные глаза небесной голубизны. – Мы бы просто отправили лорду фотографию любой девушки с рыжими волосами, и все. Но, увы, англичане очень скрупулезны и педантичны, так что он приезжает сам, чтобы воочию увидеть невесту своего племянника. А насчет того, что у Толика уже есть рыжеволосая невеста, не волнуйся. Лорд Адриан принял это на веру только потому, что все мужчины из их рода женились на рыжеволосых. Следовательно, вполне естественно, что у Толика в крови любовь к рыжим. Это даже закрепило статус Толика как настоящего родственника лорда.

– Я боюсь, – залепетала я. – А если я не справлюсь?

– С чем? – усмехнулась Ключева. – Тебе и делать-то ничего не придется, только жить в этом доме несколько дней и делать вид, будто ты давно знакома с Толиком и любишь его.

– Но ведь нам придется спать в одной комнате! – с ужасом воскликнула я.

– Ну нет, милая, – разозлилась Марина, – спать с Толиком ты не будешь. В его спальне две комнаты, так что вы будете разделены стеной. Не думаю, что лорд захочет проверить, чем вы ночью занимаетесь, к тому же Толик будет закрывать спальню на ключ. Не волнуйся, целоваться с Толиком тоже не придется: всем известна английская сдержанность и холодность.

– А если лорд что-то заметит? – не унималась я. – Если почувствует отчуждение между нами? Мы можем этого не заметить, а со стороны всегда видно, насколько тепло люди относятся друг к другу!

– Мы с Толиком продумали и этот момент, – с довольным видом сообщила Маринка. – Он каждый день будет устраивать застолья, во время которых лорд накушается и напьется до безобразия и ему ни до чего не будет дела. Если у вас и произойдут какие-то несостыковки в общении с Толиком, он ничего не заметит.

– То есть Толик будет поить его каждый день? – уточнила я.

Это и вправду меня немного успокоило. Лорд вряд ли удивится столь обильным возлияниям – ведь весь мир знает, что русские пьют больше других народов! А во время пьяного угара ему недосуг будет замечать какие-то неточности в наших с Толиком ответах, а также странности нашего поведения, если таковые появятся.

– Ну разумеется. – Марина снисходительно откинула золотистую кипу волос с плеча. – Кто не согласится выпить русской водки да под хорошую закуску? Не дрейфь, он будет возить лорда на охоту, на рыбалку, покажет ему российский колорит во всей красе. Тебе только останется сидеть дома!

– Подожди, – спохватилась я, – но ведь я же работаю!

– Значит, возьмешь отпуск, – велела Марина, – или уволишься. Что у тебя за работа? Уверена, что никакой пользы ты на ней не приносишь, только штаны протираешь. Мы тебе заплатим. Тысячу долларов.

– Да не надо мне платить, – возмутилась я, – не нуждаюсь в деньгах. Но и увольняться я не хочу.

– Значит, сядешь на больничный. Не переживай, я тебе его сделаю, у меня знакомая работает в поликлинике. А деньги все-таки возьми: так мне будет спокойнее. Ты просто будешь выполнять свою работу, за которую заплачено. Ну что, договорились?

– Мне надо подумать, – промямлила я.

Казалось бы, о чем здесь думать? Никогда еще в моей жизни не было и не будет подобного приключения. И все же какая-то мысль не давала мне покоя, но я никак не могла ухватить ее за хвост.

– Видишь ли, Криворучка, – Марина перегнулась ко мне через стол так, что ее огромные голубые глаза оказались в нескольких сантиметрах от моих глаз, – лорд Адриан приезжает уже послезавтра. Поэтому завтра с утра ты должна быть в нашем с Толиком доме, чтобы оговорить некоторые детали и узнать главные события нашей жизни, чтобы вы одинаково отвечали на вопросы лорда и ты не попала впросак.

– Постой, а где ты будешь все это время? – вдруг решила уточнить я.

– Не волнуйся, я буду рядом, – пропела Марина.

– В каком смысле? – не поняла я.

– Я буду жить в этом же доме, – пояснила Марина, – играть роль домработницы. Сначала мы хотели сделать вид, будто я сестра Толика, но потом поняли, что Адриан может узнать, что у Толика нет ни братьев, ни сестер. Так что я – домработница.

Я невольно хихикнула. Представить себе Марину в роли домработницы было просто невозможно.

– Хватит ржать, – прервала она меня, – настоящая домработница тоже будет там.

– А если лорд Адриан влюбится в тебя? – пришло мне в голову.

Этим вопросом я явно польстила Марине. Она заулыбалась и смягчилась, положительно поглядывая на меня.

– Такое возможно. Толик уже высказывал подобное мнение, пытаясь удалить меня из дома на время его приезда, – промурлыкала Клюева. – Но тебя это не должно интересовать, с этим я разберусь сама. По рукам?

Мое богатое воображение тут же нарисовало картину: вот большой дом, в столовой за круглым столом чинно сидит симпатичный парень – Толик (я его не видела, но наверняка у него приятная внешность, раз Марина в него влюбилась), я, старик с трясущимися руками – лорд Адриан (раз он озабочился проблемами завещания, вполне естественно, что возраст его весьма преклонен), а Марина прислуживает нам за столом. И так как она не умеет этого делать, то постоянно обливает вином кого-то из нас, неловко ставит тарелки с едой, брызгая горячим соусом, роняет попеременно то хлеб, то столовые приборы... Лорд Адриан напивается и его старое морщинистое лицо становится похожим на брюкву. Он начинает распевать старые русские песни, немилосердно фальшивя и путая слова, а Толик лицемерно подхватывает. Я же сижу, глупо улыбаясь, наблюдая за этой сладкой парочкой... Да уж, ничего привлекательного. С другой стороны, всегда интересно выдать себя за кого-то другого, побывать в шкуре другого человека или хотя бы прикинуться им. К тому же что меня ждет впереди?

Все те же беспросветные будни в библиотеке с Александровной, которая в очередной раз станет хвастаться своей новой вставной челюстью, которую ей преподнес зять в день рождения. Челюсть необычная, она в комплекте с брелоком, нажав на который раздается сигнал, по которому можно определить местонахождение челюсти. Александровна радовалась подарку, как ребенок. А я сразу сообразила, что зятю просто надоело находить вставные зубы то в собственной кружке, то в других неподходящих местах, поэтому и пришлось раскошелиться на дорогой подарок для тещи.

На весах – два старика: лорд Адриан и Александровна. Но если последнюю я знаю как облупленную, ведь мы работаем с ней уже много лет, то английских лордов никогда не видела живую. И кто знает, представится ли когда-нибудь подобный случай?

– Даже не знаю, – протянула я, – это так неожиданно...

– Да что ты мямлишь, – разозлилась Ключева, – будто тебе предложение руки и сердца делают! Тебе же все равно нечем заняться, а так хорошим людям поможешь. Будешь знать, что не напрасно воздух коптишь! Вообще-то я так и знала, что с тобой каши не сварить!

– А если знала, то зачем же приехала?

– Подумала: а вдруг Криворучка изменилась, стала настоящей женщиной, а не серой мышкой! – Марина прищурила глаза.

– А я что, искусственная женщина? – обиделась я.

– Да я не в этом смысле! Просто настоящие женщины живут здесь и сейчас, они ничего не боятся, с удовольствием пробуют что-то новое, живут на всю катушку.

– А я? – Я поджала губы.

– А ты как в школе – тебя словно и нет вовсе! Ты – человек-невидимка.

Мне стало так обидно, что я чуть не расплакалась. Уж очень сложно и тяжело слышать такие слова от девушки, которая когда-то списывала у тебя все подряд. Неужели я и в самом деле такая? А вот и нет!

– Я согласна, – торжественно произнесла я. – Но не более чем на неделю.

– Не волнуйся, лорд Адриан в письме упомянул о том, что приедет всего на несколько дней, так что ты будешь свободна гораздо раньше, чем через неделю, – подмигнула мне Ключева. – Вот и славно. Значит, завтра с утра я за тобой заезжаю. Слушай, а может, ты сама приедешь к нам за город?

В этом вся Ключева. Мало того что я делаю ей большое одолжение, так еще должна и сама выбираться за город!

– Не вопрос, – кивнула я.

А вот в этом вся я. Прекрасно понимаю, когда люди мной пользуются, но отказать им не могу – теряюсь перед наглостью и напором.

Марина нацарапала на салфетке мне их адрес и свой мобильный телефон и отбыла.

Я задумчиво сделала себе бутерброд и с удовольствием пожевала соевую колбасу. К сое меня приучил папа. Он несколько лет назад увлекся здоровым питанием, и нас с мамой посадил на него. Но, честно говоря, я просто думаю, что ему надоели все эти рестораны, сауны, спиртное и, чтобы не выглядеть дураком перед партнерами, он начал говорить им, что является сторонником здорового образа жизни. И знаете, самое интересное, что многие из его окружения последовали за ним с радостью, словно ждали этого момента. Просто мужчины таковы: им совершенно не хочется выставлять на свет божий свои болячки, которых в пятидесятилетнем возрасте наберется немало! Или просто они устают от привычного образа жизни, но им стыдно в этом признаться. Вот и мой папа – он проделал долгий, но очень успешный путь от простого челнока к владельцу супермаркета и, видимо, устал от всего. Ему надоело каждый день «по работе» прикладываться к виски, хотя он всю жизнь предпочитал простую водку, надоело ходить в модную сауну, хотя он обожает париться в баньке. Надоело есть лобстеры, когда хочется обычных горяченьких пельменей. Но ведь положение обязывает! И мой папа

нашел выход! Правда, сам к нему долго привыкал. Он ведь не лицемер, мой отец! Поэтому раз заявил во всеуслышание о здоровом образе жизни, значит, обязан его придерживаться даже в домашних условиях, – ведь он очень дорожит нашим с мамой отношением к нему! Вот папа и стал придерживаться... Мы с мамой все отлично поняли, но и виду не подали!

А выглядело все примерно так: мы с мамой завтракали яичницей с беконом и бутербродами с маслом и сыром или шоколадной пастой, а папа кушал овсяную кашу на воде, запивая ее обезжиренным кефиром. Мы обедали наваристым борщом, на второе потребляя французские сосиски с тушеной капустой, на десерт – шоколадный мусс, а папа давился соевым тушеным мясом и салатом из помидоров и огурцов, заправленных лимонным соком. На ужин мы с мамой довольствовались бутербродами с красной рыбкой или колбасой, а папа, стиснув зубы, пил травяной настой с ложечкой меда и позволял себе пару тостов. На него было жалко смотреть. Папа чуть не плакал от желания слопать горячую булочку с джемом, запить все это жирной простоквашей и закусить куском копченой колбаски, но ему было нельзя! Он сам себе запретил! Мы с мамой тоже мучились, глядя на него, и нам еда стала не в радость.

Поэтому примерно через пару недель мама нашла выход из создавшегося положения. Она перевела и нас на диетическую пищу. Папа был очень доволен, потому что мама умудрялась из разрешенных постных продуктов приготовить нечто очень вкусное. Но я однажды увидела, что мама отступает от нормы и кладет в кашу масло, пока папа не видит. Главное, он думает, что ест здоровую пищу, – таков был девиз мамочки. И я была с ней полностью согласна: ведь если посредством постной пищи мама и папа обрели стройные формы, то мне-то они были ни к чему, я и так уродилась худой. Несмотря на булочки, которые поедала в течение дня, я все равно не толстела ни на килограмм. А мне так хотелось поправиться, иметь хотя бы какие-нибудь формы!

Нет, полным людям живется проще, чем худым, – им хотя бы можно похудеть! А вот худым поправиться просто невозможно – это я уже поняла. Но вот удивление – когда я стала есть эту самую здоровую пищу, я начала поправляться! Представляете – булочки с маслом, жутко калорийные, на меня не действовали, зато начали действовать соевые мясoproductы и овощные замороженные смеси. Дурдом! Если бы мне об этом рассказал кто-то другой, я бы ни за что не поверила, но ведь это была я сама, у которой все не по-человечески! Приходилось признать, что природа и здесь обидела меня, наградив не только некрасивой внешностью и дикой невезучестью, но и неправильным обменом веществ. Так что мама с папой ели здоровую пищу, чтобы быть здоровыми и стройными, а я – чтобы стать хоть немного рельефнее.

Я вытерла крошки со стола, положила продукты обратно в холодильник и легла спать, потому что было уже час ночи.

Утром, вспомнив, что мне надо на работу, чтобы предупредить Александровну о том, что я беру больничный, я поднялась, умылась, стараясь не глядеть в зеркало. А ведь и правда – зачем мне рассматривать себя, если мое отражение меня не радует, и, накинув шубу, вышла из квартиры. Шуба была папиным подарком, поэтому я все-таки носила ее, но только на работу. Но если бы была моя воля, я надела бы что-нибудь менее заметное – пуховик, например, или свое старенькое пальтецо. Потому что роскошное меховое манто привлекало внимание, и я часто ловила на себе завистливые взгляды женщин. Я даже словно читала их мысли: «Ну зачем такой уродине такая шуба? Вот на мне бы она смотрелась...»

Под тяжестью этих взглядов и этих мыслей я съезживалась, сутулилась и стремилась в вагоне метро сесть, чтобы быстро закрыть глаза и не видеть взоров, обращенных на меня и мою шубу. Потому что если стоять, то глаза уже не закроешь, а следовательно, можно будет увидеть все эти переглядывания девушек и откровенные насмешки мужчин. Поэтому я влетела в метро, плюхнулась на единственное свободное место с краю и закрыла глаза, вспоминая вчерашний невероятный случай.

Надо же, впервые за много лет я предвкушала предстоящий день, и даже не день, а целую неделю – скорее всего, англичанин придет именно на такой срок. Уже сегодня я окажусь в обществе красивых людей, которые будут от меня зависеть! Приятно, что я хоть чем-то могу помочь другим! Обычно от меня вообще ничего не требовали с самого детства, потому что с меня попросту было нечего взять.

От природы я всегда была робкой девочкой, болезненной и трусливой. Я не гуляла на улице зимой и не лепила снежных баб с другими детьми, потому что все зимние месяцы захлебывалась в соплях.

В магазин за хлебом меня не отправляли, потому что он находился через дорогу от дома, а я панически боялась переходов. Светофора у нас на перекрестке не было, на асфальте виднелась «зебра», но я не могла заставить себя ступить на нее и всегда дожидалась скопления народа, чтобы вместе со всеми перескочить проклятую зону. Мы жили в Митине, тогда этот район только начинали отстраивать, наш дом, старая хрущевка, непонятным образом оказался среди новостроек, которые даже наполовину не были заселены. Так что можно себе представить, сколько мне приходилось ждать хотя бы одного человека, решившего перейти улицу, да еще и поспеть за ним! Поэтому родители, которые по часу не могли дождаться собственного чада из магазина, освободили меня от этой обязанности, вменив другую. Теперь я должна была выносить мусор.

Имея от природы маленький рост и тщедушное строение тела, я исправно волокла ведро к машине, которая собирала мусор и приезжала каждый вечер ровно в половине седьмого. Но всякий раз со мной случался казус. То я, поскользнувшись на банановой кожуре, падала прямо на лестнице, ведущей к мусоросборнику, и, глотая слезы стыда, ползала у жильцов окрестных домов под ногами, запихивая рассыпанный мусор обратно в ведро. То машина почему-то уезжала прямо перед моим носом, хотя шофер был обязан оставаться на месте до семи часов. Или я, с трудом поднимая ведро к люку и переворачивая его, внезапно оказывалась вся засыпана картофельными очистками и другими отходами жизнедеятельности нашей семьи.

Родители повздыхали и поручили мне уборку квартиры. Вернее, мыть пол меня не заставляли, зато я должна была пылесосить и протирать пыль. С пылесосом я справилась удачно. Довольно оглядев чистый ковер, я стала вытаскивать пылесборник, и конечно же он вывалился у меня из рук, крышка отвалилась, и весь тщательно собранный мной мусор оказался на своем законном месте. Я взялась было заново пылесосить, ожидая похвал от родителей, которые должны были вернуться с минуты на минуту, но мне, как всегда, «повезло». Электричество отключилось, и мама с папой застали меня в тот момент, когда в крошечной тьме я пыталась собрать рассыпавшийся мусор вручную. Тут же, словно по волшебству, включился свет, и я увидела, что не только не собрала мусор, но и разнесла его по всему ковру, то есть весьма тщательно разложила по местам.

– Неумеха ты моя! – вздыхала мама.

– Не расстраивайся, – вторил папа, – вот как раз из таких неуклюжих людей в будущем и получают настоящие светила науки!

Наверное, я родилась в понедельник, потому что все, за что бы я ни бралась, валилось из рук. В большинстве случаев я только все портила. В школе учителя считали меня хулиганкой. Ну и верно, как назвать девочку, которая за один урок умудрялась разбить пробирку на уроке химии, сломать перекладину на физкультуре и перевернуть на соседку обед в школьной столовой? Почему-то все мои робкие ответы считались ехидными замечаниями и вызывали взрыв учительского негодования.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.